УДК 821.161.1`04.09 + 94(41 + 57)«12»:930.22

В. В. Подопригора

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: 5813_m@ngs.ru

О ПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА РОМАНА МСТИСЛАВИЧА В ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Рассматривается презентация образа Романа Мстиславича в Галицко-Волынской летописи через реализацию топосов «начала истории» и «происхождения героя». Названы некоторые аспекты использования эпического стиля и легендарного материала для оформления этих топосов.

Ключевые слова: Роман Мстиславич Галицкий, летопись Волынских Мономаховичей, летописный жанр, литературная топика.

Один из часто возникавших вопросов при изучении состава Ипатьевской летописи, почему в ней отсутствует подробный рассказ о княжении Романа Мстиславича Галицкого, был поставлен уже в середине XVIII в. анонимным читателем Хлебниковского списка, о чем свидетельствует приписка на полях начальной статьи собственно Галицко-Волынской летописи: «тутъ много чого нема» [1].

Вопрос об отсутствии рассказа о княжении Романа по-разному освещался исследователями. Например, В. Т. Пашуто верхней датой составления Киевского свода считал 1238 г. [2], а отсутствие в нем сведений о Романе Мстиславиче объяснял его враждебностью киевским князьям. По всей видимости, поэтому сводчик – сторонник Романовичей, как считает В. Т. Пашуто, не мог располагать какими-либо сведениями о княжении Романа, даже будучи практически его современником, но при этом обладал достаточным материалом, чтобы «дополнить киевский текст кусками галицко-волынского повествования» [1950. С. 17]. Существование летописца, описывающего княжение Романа Мстиславича, вызывало сомнения у М. Д. Приселкова [1996. С. 292] и Д. С. Лихачева [1947. С. 257–258].

Следует отметить, что возможность присутствия в Ипатьевской летописи следов княжеского летописца Романа Мстиславича, фрагменты которого на том или ином этапе редактирования Ипатьевской летописи могли быть внесены в повествование XII в., не принимается некоторыми исследователями [Горовенко, 2010. С. 227], хотя, на наш взгляд, если бы такой летописец существовал, правомернее было бы предполагать именно его (а не гипотетической летописи галицких Ростиславичей) связь в протографе с галицко-волынским продолжением Киевского свода, летописью Волынских Мономаховичей. Уместно вспомнить в этой связи, что, по данным Н. Г. Бережкова, возможно, существовал владимиро-волынский источник Ипатьевской летописи, который должен был пользоваться сентябрьским началом года [1963. С. 184–185], что характерно и для немногочисленных точных датировок в Галицко-Волынской летописи XIII в.

[1] Цит. по изданию, воспроизводящему глоссы Хлебниковского списка: Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Сост. Н. Ф. Котляр, В. Ю. Франчук, А. Г. Плахонин; под ред. Н. Ф. Котляра. СПб., 2005. С. 78.

[2] Его гипотеза не получила существенной поддержки.

© В. В. Подопригора, 2012

Можно сказать, что гипотеза А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова о галицко-волынском источнике Ипатьевской летописи как повествовании, в своем оригинальном виде последовательно излагавшем историю правлений Ростиславичей и потомков Романа Мстиславича, не получила ощутимого развития. В одних работах делается вывод об отсутствии летописной традиции в Юго-Западной Руси (см., например, [Котляр, 2009а. С. 56]), в других – о недостаточности данных для определенной атрибуции единого источника «галицких» известий XII в. [Толочко, 2003. С. 153]. Исследователи чаще всего говорят о проявлении здесь альтернативного летописи жанра, который по-разному определяется ими: либо как повести о деяниях князей (см., например: [Котляр, 2005. С. 60]), либо как целостное историческое повествование, аналогичное византийским императорским историям или западноевропейским хроникам (см.: [Приселков, 1996. С. 96; Лихачев, 1947. С. 255–256; Гимон, Гиппиус, 2005. С. 193]). Рассуждая о близости летописи Волынских Мономаховичей западноевропейскому и византийскому историческому повествованию, обычно подразумевается наиболее очевидный факт: галицко-волынские летописцы не вели текущих погодных записей, а составляли истории правлений князей ретроспективно. Таким образом, имеется в виду аспект чисто прагматический, а не художественный. Обращение к топике как универсальной константе средневековых литератур, позволило бы поставить данную разновидность древнерусского летописания в более широкий историко-литературный контекст и объяснить его жанровую специфику.

Началом летописи Волынских Мономаховичей в Ипатьевском своде признается панегирическое вступление, содержащее похвалу князьям-предкам правящей Волынской династии (Роману Мстиславичу и Владимиру Мономаху), следующее во всех списках Ипатьевской летописи после завершающей повествование статьи киевского свода. Однако о происхождении, источниках и времени внесения данного текста в летопись высказывались различные гипотезы.

Большинству исследователей, занимавшихся восстановлением этапов сложения текста третьей части Ипатьевской летописи, похвала деяниям Романа и Владимира Мономаха и следующий за ней рассказ об изгнании половецких ханов на Кавказ представлялись позднейшей вставкой, причем мнения о ее возможном источнике существенно различались. Л. В. Черепнин (со ссылкой на Вс. Миллера) видел в ней самостоятельное произведение либо вошедший в летопись отрывок эпического воинского цикла [1941. С. 240]. А. С. Орлов указывал на ее вероятные книжные образцы: хронику Малалы и Александрию [1926. С. 104]. А. Н. Ужанков, исходя из гипотезы о двух этапах редактирования летописца Даниила Галицкого, связывает ее внесение с работой автора второй Холмской редакции, которому могут принадлежать упоминания о князе Романе в дальнейшем повествовании, а также вставка (под 1223 г. Ипатьевского списка) об истории Холмской кафедры [2009. С. 367]. Наконец, А. В. Горовенко считает панегирик Роману вставкой, сделанной самим автором повествования о княжении Даниила Галицкого, но на более позднем этапе редактирования текста, а именно при соединении Киевского свода с Летописцем Даниила [2010. С. 227].

В этой экспозиции реализуются два типологических элемента, которые мы определяем как топосы *начала истории* и *происхождения героя*, необходимые для летописи (а шире – для исторического повествования вообще), что уже говорит о ее начальном, авторском характере. Представляется, что панегирик Роману не является простой вставкой, а открывает повествовательную систему (летописно-династическую), о чем свидетельствует выбор топики, направленной на реализацию определенной стратегии повествования. С этой точки зрения становится ясным выбор летописцем определенных стилей, эпического и панегирического, для презентации образа предков династии Романовичей.

Топос *происхождения героя* (соответствующий рубрике γένος античной биографии) вообще был укоренен в риторической структуре античных жизнеописаний и энкомиев, обязателен он и для житийного канона, где часто присутствует восхваление благочестивых предков святого, но в целом не был столь характерен для древнерусского летописания (за исключением некоторых житийных текстов в составе летописи). Вступительный панегирик предкам – доста-

точно редкое явление для раннего летописания, где более привычны посмертные похвальные слова князьям (как, например, часто сближаемый с похвалой Роману и Мономаху некролог Ярославу Осмомыслу, помещенный в Ипатьевской летописи под 1187 г., который по своей функции ей прямо противоположен, так как является именно некрологом).

Помещенная в начале повествования о Галицком мятеже похвала предкам Волынских князей имеет вполне четкие функции, для осуществления которых летописец сознательно обращается к определенным стилистическим приемам. Он создает героизированные образы, помещенные в «эпическом времени», исчисляемом без обращения к хронологии, а путем апелляции к родовой памяти и введения двух генеалогических рядов: династии Мономаха и рода половецких ханов Отрока, Сырчана и Кончака. Характеристика Мономаха и его потомка Романа в летописи воплощает значимый для средневековых историй тип «легендарного предка» – основателя династии, христианского государя, положившего начало объединению земель и победившего язычников.

Летописец называет Романа «приснопамятным самодержцем всея Руси» [3]. Подобным путем реализуется данный топос в типологически близких Галицко-Волынской летописи каролингских придворных историях, в частности в *Vita Karoli Magni* Эйнхарда, где собственно жизнеописание Карла начинается с рассказа об упадке старой династии Меровингов и возросшем могуществе его предка, Карла Мартелла, победившего сарацин [4].

Я. С. Лурье писал, что в Галицко-Волынской летописи «богаче, чем в других летописях XII–XV вв. отражена… фольклорно-эпическая традиция» [1973. С. 87], имея в виду, прежде всего, половецкое сказание о предках Кончака. Необходимо добавить, что это практически единственный сюжетно целостный эпический нарратив в составе Галицко-Волынской летописи. В остальном повествовании можно говорить только об элементах эпической стилизации на уровне мотивики, впрочем, довольно малочисленных (и совсем отсутствующих в «волынской» части летописи) [5]. Для понимания данного фрагмента оказывается значимым тот герменевтический принцип разграничения генезиса и функции, о котором писал А. М. Ранчин: «Тот или иной мотив, образ, эпизод, сюжет должен определяться не по своему происхождению, а по функции в тексте» [2001. С. 73].

Локализация легендарно-эпического материала именно в начале летописи, по нашему мнению, не случайна: его введение в повествовательный ряд служит средством помещения подвигов предков Романовичей в эпическом хронотопе (топос *происхождения героя*) и направлено на формирование соответствующего восприятия начала истории династии.

Начало истории династии Романовичей, а не Галицкой земли, оформленное как своего рода *династическая легенда*, воспроизводящая, скорее всего, фольклорный образ Романа, представляло особую важность для выбранной летописцем повествовательной стратегии. Топос *начало истории* [6], несомненно, присутствовал в сознании автора, о чем свидетельствует его намерение привести сказание о галицком кургане и «начатьи» Галича (Ипат., 722) [7], сопровождаемое подходящим для оформления данного топоса выражением «откуду ся почалъ». Но на первом плане, в экспозиции ко всей Галицко-Волынской летописи, автор помещает

[3] Интересно отметить параллель между титулом Романа и именованием Владимира Святославича «блаженным и приснопамятным всея Руския земли самодержцем» в Степенной книге. См.: Книга степенная царского родословия. Ч. 1 // ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21, первая половина. С. 58.

[4] Латинский текст см.: Einhardi Vita Karoli Magni // Monumenta Germaniae historica in usum scholarum separatim editi. 25. Hannover, 1911. S. 1–41; в русском переводе: Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Пер. с лат. М. С. Петровой // Памятники средневековой латинской литературы. VIII–IX века / Под ред. М. Л. Гаспарова. М., 2006. С. 178–202.

[5] О фольклорно-эпических элементах в Галицко-Волынской летописи писали Л. В. Черепнин [1941. С. 236–241] и Н. Ф. Котляр [2009б. С. 104–107].

[6] Есть основания рассматривать «начало истории» именно как литературный топос летописания, получавший различное мотивное наполнение. Так, Е. А. Мельникова писала о мотиве переселения народов как «начале истории» для Повести временных лет [2003. С. 55]. Можно утверждать, что с этой целью в Повесть временных лет вводятся предания об основании городов, например, Белгорода и Переяславля.

[7] Здесь и далее ссылки на текст Ипатьевской летописи с указанием номера столбца: Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1998. Т. 2.

именно историю рода Романовичей, собираясь рассказать об основании Галича в дальнейшем: «по сем скажемь о Галицине могиле и о начатьи Галича» (Ипат., 722).

Презентация образа Романа Мстиславича как основателя династии актуальна для галицко-волынского повествования во всем его объеме. Если сам Роман выступает в летописи как правитель, своими деяниями положивший начало истории династии, то его наследники представлены в роли «обновителей» его славы [Лотман, 2005. С. 109]. Уже в известии о вступлении Романовичей на княжение в Берестье горожане «с великою радостью сретоша и, яко великого Романа видящи» (Ипат., 720–721).

Рассказ о походе Даниила на ятвягов завершается славословием князю, «наследившему путь отца своего великаго Романа» (Ипат., 813). Панегирик Даниилу, обложившему покоренных ятвягов данью, сопровождается сходным комментарием: «по великомъ бо князе Романе никто же не бе воевалъ на не в Роускихъ князихъ, разве сына его Даниила» (Ипат., 835). Указание на родство с Романом включается также в титулатуру волынских князей (в том числе и в документы в составе летописи – духовные грамоты Владимира Васильковича и устав на ловчее Мстислава Даниловича).

Следует обратить внимание и на то, что сравнение с Романом сопровождает рассказы о деяниях не только князя-воина Даниила, но и представленного в летописи «миротворцем» Владимира Васильковича. Это придает единую установку «галицкой» и «волынской» частям летописи – «обновление» славы основателя династии. Так, сообщение об основании Каменца сопровождается комментарием летописца, что город поставлен на земле, опустевшей «по 80 лет по Романе» (Ипат., 875, ср. там же, 698). Сравнение с Романом включено и в посмертный плач волынских горожан по Владимиру (Ипат., 920).

Таким образом, составители летописи Волынских Мономаховичей, как нам представляется, могли располагать достаточным материалом для пространного рассказа о княжении Романа Галицкого (если предположить существование его личного летописца), но не стремились к этому, как и к тому, чтобы только заполнить промежуток между окончанием Киевского свода и Галицко-Волынской летописью.

Презентация образа Романа Мстиславича, актуальная для всего текста Галицко-Волынской летописи, обусловлена жанровой природой текста – летописно-династическим повествованием. Магистральная стратегия Галицко-Волынской летописи, апология и легитимация династии Романовичей, побуждает авторов изложить ее *происхождение от героических предков* – Романа и Владимира Мономаха. Таким образом, стремление представить происхождение рода выступает в летописи (как повествовании не специально биографическом, а историческом)[8] концептуальным *началом династической истории*. В этой связи получает объяснение использование эпического стиля и легендарного материала.

Список литературы

Гимон Т. В., Гиппиус А. А. Русское летописание в свете типологических параллелей (к постановке проблемы) // Жанры и формы в письменной культуре Средневековья. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 174–200.

Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

Горовенко А. В. Меч Романа Галицкого. Князь Роман Мстиславич в истории, эпосе и легендах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010.

Дергачева-Скоп Е. И. Заметки о жанре «Истории Сибирской» С. У. Ремезова. Статья 1 // Вопросы русской и советской литературы Сибири (материалы к «Истории русской литературы Сибири»). Новосибирск, 1971. С. 48–70.

Котляр Н. Ф. Київский літопис XII століття. Історичне дослідження. Київ, 2009а.

Котляр Н. Ф. Устные источники Галицко-Волынской летописи // ТОДРЛ. СПб., 2009б. Т. 57. С. 103–111.

Котляр Н. Ф. Композиция, источники, жанровые и идейные характеристики Галицко-Волынской летописи // Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование. СПб., 2005. С. 30–60.

[8] Устойчивость в оформлении топоса «начала истории» легендарно-эпическими сведениями проявлялась и в позднейших исторических повествованиях вплоть до XVII в., связанных с ранней летописной традицией: топонимические и родовые легенды выступают как жанрово-конструктивные элементы, своеобразные стилистические «этикеты положения» (= топосы) [Дергачева-Скоп, 1971. С. 54, 62].

Лотман Ю. М. «Звонячи в прадеднюю славу» // Лотман Ю. М. О русской литературе: Статьи и исследования (1958–1993). СПб.: Искусство-СПБ, 2005. С. 107–111.

Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947.

Лурье Я. С. К изучению летописного жанра // ТОДРЛ. Л., 1973. Т. 27. С. 76–93.

Мельникова Е. А. Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглингах») // Древнейшие государства Восточной Европы, 2001 год: историческая память и формы ее воплощения. М.: Вост. лит., 2003. С. 48–92.

Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи // Изв. Отделения русского языка и словесности Академии наук. Л., 1926. Т. 31. С. 93–126.

Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.

Ранчин А. М. О принципах герменевтического изучения древнерусской словесности // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2001. Июнь. № 2 (4). С. 69–81.

Толочко П. П. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб.: Алетейя, 2003.

Ужанков А. Н. Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII веков. М., 2009.

Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки АН СССР. М., 1941. Т. 12. С. 228–253.

Материал поступил в редколлегию 01.10.2012

V. V. Podoprigora

REGARDING THE REPRESENTATION OF PRINCE ROMAN MSTISLAVICH IN GALICIAN-VOLYNIAN CHRONICLE

The article deals with representation of prince Roman Mstislavich in Galician-Volynian Chronicle through realization of the topoi of «beginning of history» and «genesis of hero» in its introduction. Are explicated some aspects of chronicler's using of the epic style and legendary narratives which forms given topoi.

Keywords: Roman Mstislavich of Galicia, chronicle genre, Volynian Monomakhovich's chronicle, literary topic.